

Михаил Венюков

**Воспоминания о заселении
Амура в 1857-
1858 годах**

Михаил Венюков

**Воспоминания о заселении
Амура в 1857-1858 годах**

«Public Domain»

1879

Венюков М. И.

Воспоминания о заселении Амура в 1857-1858 годах /
М. И. Венюков — «Public Domain», 1879

«23 апреля 1857 года, после тягостной дороги в 5100 верст то в санях, то в перекладной телеге, то даже пешком, во избежание разрушительных толчков от удара колес по мерзлому, ледяному черепу, я, наконец, добрался до Иркутска. День был табельный – именины императрицы Александры Федоровны, и потому я думал было сначала не являться властям; но, чтобы не скучать, надел мундир и в то же утро представился ближайшим своим начальникам по штабу...»

© Венюков М. И., 1879

© Public Domain, 1879

Содержание

I	5
II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Иванович Венюков

Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 годах

I

23 апреля 1857 года, после тягостной дороги в 5100 верст то в санях, то в перекладной телеге, то даже пешком, во избежание разрушительных толчков от удара колес по мерзлону, ледяному черепу, я, наконец, добрался до Иркутска¹. День был табельный – именины императрицы Александры Федоровны, и потому я думал было сначала не являться властям; но, чтобы не скучать, надел мундир и в то же утро представился ближайшим своим начальникам по штабу. Нимало не откладывая, то есть в тот же табельный день, мне поручили поспешить составлением карты Маньчжурии и Восточной Монголии в масштабе 50 верст в дюйме и при этом потребовали, чтобы карта была готова в двух экземплярах не далее, как через три недели, к предполагавшемуся отъезду генерал-губернатора Н. Н. Муравьева² на Амур и посланника графа Е. В. Путятина³ в Китай. Работа была нелегкая, требовавшая занятий от 12 до 14 часов в сутки, и совершенно неисполнимая, если бы в Иркутске не было партии отличных топографов, обязанных своим техническим образованием А. И. Заборинскому и Г. А. Щечилину. Мы, в числе девяти человек, присели и дело сделали. Я составил сеть, расставил астрономические пункты, начертил главные контуры; топографы перечерчивали их набело, вносили мелочи, отмывали кисточкой горы с данных оригиналов и делали подписи, придерживаясь сделанной мною транскрипции французских подписей д'Анвиля и Клапрота⁴. Любопытно, что в Иркутске в это время не было ни одного сиолога, которому бы можно было поручить исправление орфографии этих подписей, несколько испорченных на французском языке. Что было можно, мы поправили сами, на основании сочинений Иоакинфа⁵, хотя знали, что и его транскрипция оспаривалась некоторыми европейскими ориенталистами.

¹ Иркутск в те годы представлял административный центр Восточной Сибири и Дальнего Востока.

² Муравьев Н. Н., позднее Муравьев-Амурский (1809–1881), – генерал-губернатор Восточной Сибири, один из главных инициаторов воссоединения Приамурья с Россией и заселения края русскими переселенцами. «Человек с государственным смыслом», – по отзыву Герцена, – Муравьев-Амурский «безо всякого сравнения, умнее, образованнее и честнее кабинета (министров. – А. С.) совокупно». Отмечая эти качества, Герцен одновременно разоблачал деспотические замашки восточносибирского генерал-губернатора и дал ему меткую характеристику: «демократ и татарин, либерал и деспот». Демократические высказывания, связи Муравьева-Амурского с декабристами, отбывавшими ссылку в Восточной Сибири, не прошли ему даром. По настоянию царской охранки – Третьего отделения – он был в 1861 году снят с генерал-губернаторского поста и закончил жизнь в добровольной эмиграции.

³ Путятин Е. В. (1803–1883) – адмирал, дипломат. В качестве представителя России в 1855 году заключил трактат с Японией. В 1857 году направлялся для дипломатических переговоров с китайским правительством. После неудачных попыток проникнуть в Пекин сухопутным путем отправился морем через Шанхай. С 1861 года был назначен министром народного просвещения и пытался репрессиями подавить студенческое движение, но вскоре под давлением демонстраций учащейся молодежи был смещен со своего поста.

⁴ Д'Анвиль Ж. Б. (1697–1789) и Клапрот – западноевропейские географы и картографы, использовавшие китайские источники для составления карт Маньчжурии и Китая.

⁵ Иоакимф (Н. Я. Бичурин) (1777–1853) знаменитый русский китаевед, в 1805–1822 годах был начальником русской духовной миссии в Пекине. Будучи прекрасным знатоком китайского языка, литературы, истории, социального строя, оставил после себя многочисленные сочинения, в которых впервые в мировой науке дал правильное представление о великом китайском народе. Его работы наносили удар по западноевропейскому китаеведению, третировавшему китайский народ как «неполноценный». За атеистические взгляды подвергался гонениям со стороны церковных властей.

В начале мая вернулся в Иркутск Н. Н. Муравьев, бывший до того времени в Кяхте⁶ для устройства отъезда графа Путятина в Китай. Предполагалось, что посол поедет в Пекин через Монголию и, в то время как генерал-губернатор лично займется фактическим занятием Амура, устроит дипломатическое его присоединение. Но в Иркутске успеху последней миссии не верили.

Графу Путятину было трудно добиться переезда через Монголию на таких условиях, которые бы соответствовали его сану и обеспечивали ему блестящий прием и успех самого дела в Пекине⁷. При возвращении Н. Н. Муравьева в Иркутск мы узнали, что посол вовсе должен был отказаться от сухопутной поездки в столицу Срединного царства, потому что китайское правительство хотело относиться к нему почти так же, как в 1805 году к графу Головкину. Последний же, едва доехав до Урги⁸, был так утомлен назойливой подозрительностью и надменностью китайцев, что счел необходимым вернуться в Россию.

В Иркутске, как это ни может показаться странным, неуспехом путятинского посольства были довольны. Тамашнее общество, все почти составленное из лиц, так или иначе принимавших участие в деле фактического присоединения Амура, не скрывало, что поручение, полученное графом Путятиным, заключить с Китаем формальный договор, который бы увенчал великое предприятие, отчасти им же дискредитируемое, было как бы обидою для местных деятелей, вложивших в него всю душу, понесших множество трудов и лишений и выдержавших за Амур борьбу в Петербурге едва ли не более тяжелую, чем самая борьба с дикою природою амурской страны. Известие о расстройстве путешествия посла через Монголию вернуло всем хорошее расположение духа; каждый думал: ну, теперь мы сами славно кончим то, что так славно нами же начато, вопреки дипломатам вроде графа Нессельроде⁹, бывшего, в 1854 году, при решении амурского вопроса в принципе, министром иностранных дел и, во главе значительной партии сановников, противившегося воссоединению Амура, даже требовавшего разжалования в матросы капитана Невельского¹⁰ за самовольное основание им русского поста близ амурского устья.

Когда 5 мая, вместе с другими лицами, я представлялся вернувшемуся в Иркутск Муравьеву, он спросил меня:

– Чем вы занимаетесь теперь?

Я отвечал, что составлением карты Маньчжурии для вас и для графа Путятина.

– Карты Маньчжурии! Ну, так вот вы со мною и поедете в Маньчжурию через десять дней. Надеюсь, что к тому времени вы успеете кончить эту работу; она нам очень нужна.

– Буду стараться, только, может быть, она не будет довольно подробна, потому что нанесение деталей требует много времени.

– Ну, это ничего. Так вы готовьтесь к отъезду.

Лучшего поощрения к работе нельзя было бы сделать. Мечта моя быть на Амуре, представлявшем в то время крупный политический интерес, сбывалась. Я не выходил почти из

⁶ Кяхта, тогда торговая слободка, находившаяся в трех километрах от окружного центра – города Троицкосавска, – единственный пункт торговли русских с Китаем до 1858 года. Против Кяхты располагался китайский пограничный торговый пункт Маймачен.

⁷ А нужно заметить, что мы, с своей стороны, делали все, чтобы показать китайцам особую исключительную важность посла. Для этой цели, например, в Троицкосавске, по приказанию генерал-губернатора, музыка местного линейного батальона ежедневно, в известные часы, играла перед окнами «высокой особы из Петербурга», что, конечно, приводило в истерическое раздражение г. посла, но зато внушало маймаченским китайцам понятие о нем как о самом высоком сановнике, достойном богдыхана.

⁸ Урга – прежнее название города Улан-Батора, ныне столицы Монгольской Народной Республики.

⁹ Нессельроде К В. (1780–1862) – царский министр иностранных дел с 1816 по 1856 год, поддерживал европейскую реакцию, ярый противник воссоединения Приамурья с Россией.

¹⁰ Невельской Г. И. (1813–1876) – адмирал, знаменитый русский географ, исследователь Дальнего Востока, открывший устье Амура и установивший островное положение Сахалина. Один из главных инициаторов решения амурского вопроса.

чертежной во все остальное время до отъезда. Карта была готова, и первый экземпляр ее генерал-губернатор приказал отправить к послу. Моя «исполнительность» понравилась... однако не всем. Ближайший мой начальник, подполковник Будогосский, которому самому хотелось быть в свите генерала, и даже за старшего, выказывая мне любезность как будущему правителю генерал-губернаторской канцелярии на целые 3–4 месяца, не упускал уже и тогда вставлять мне по временам шпильки, позволяя себе, например, с фамильярностью, вовсе не оправдываемую нашим недавним знакомством, называть меня иронически «начальником штаба, статс-секретарем» и т. п., и тут же прибавлял, что оставивший незадолго перед тем Иркутск Генерального штаба полковник Заборинский был в подобных же обстоятельствах, то есть «сначала полез в гору, обходя старших, но потом сломал себе шею». Намеки эти тем более смущали меня, что Будогосский в то же время не раз высказывал при мне крайнее свое нерасположение к нашему общему начальству, Буссе, и старался вовлечь меня в интриги против него. Я предчувствовал, что рано или поздно попаду между двух огней; но так как никто не только в штабе, но и в главном гражданском управлении Восточной Сибири не смел пикнуть против моего назначения на Амур единственным делопроизводителем генерал-губернатора, – потому что гласно высказанное Муравьевым слово было законом, – то я надеялся как-нибудь избежать, при помощи последнего, Харибды и Сциллы, несмотря даже на свою неопытность в штабном лавировании.

18 мая мы переехали Байкал. Погода была великолепная, и хозяин парохода Безноси-ков принял все меры, чтобы путешествие наше по озеру обратить в самую приятную прогулку. Здесь впервые я увидел, как генерал-губернатор популярен в стране. Пассажиры на пароходе нисколько не стеснялись его присутствием; он любезно разговаривал, и ни один при этом не держался навтыяжку, не унижался до лести или до каких-нибудь изысканных и двусмысленных оборотов речи, на которые у нас столько мастеров, особенно когда можно, под прикрытием двусмысленной речи, сделать донос, пустить клевету и т. п. Впрочем, такие подходы были и неудобны с Николаем Николаевичем. Он немедленно потребовал бы перевода их на обыкновенный язык. На пароходе между другими находился старичок, одетый в ватный суконный казакин с меховой оторочкою, в высокие сапоги, в которые были опущены панталоны, и в теплый плюшевый картуз с ушами... Я принял его сначала за какого-нибудь купеческого приказчика низшего разряда. Но вот генерал-губернатор, увидев его, громко сказал: «Здравствуйте, Иван Иванович!» – и дружески пожал ему руку, а потом вступил в разговор, при котором кроткая физиономия старичка постоянно слегка улыбалась, а прекрасные глаза его сверкали.

– Кто это такой? – спросил я у одного из спутников.

– А Горбачевский, один из «перворазрядных» декабристов. Он был в Иркутске, а теперь едет к себе в Петровский завод, откуда не пожелал возвращаться, по силе амнистии, в Россию.

Впоследствии я имел случай несколько ближе узнать И. И. Горбачевского, встретясь с ним у начальника Петровского завода капитана Дубровина. Это была чудная, светлая личность, высокой нравственной мощи, несмотря на тихий нрав. В его присутствии люди не смели лгать, хотя он даже не выражал словами неодобрение лжецу. И мне говорили, что то же чародейное влияние производили некоторые другие из декабристов, даже не в Сибири, где их долго знали и им поклонялись, а в Москве, Чернигове, кажется, даже в самом Петербурге.

Здесь кстати вспомнить следующий рассказ о декабристах, слышанный мною потом от самого Николая Николаевича и имеющий право на место в истории. Н. Н. Муравьев был назначен генерал-губернатором в Восточную Сибирь в 1848 году, стало быть, в самый разгар реакции против всего либерального. Тотчас по приезде в Иркутск он обратил внимание на судьбу политических ссыльных, из которых многие отбыли уже сроки наказания и проживали по городам и селам Иркутской и Енисейской губерний и Забайкалья – в звании

посельщиков. Восстановление их гражданских прав было подвинуто; но они все-таки не могли оставлять мест жительства. Это тяжелое лишение новый генерал-губернатор захотел вознаградить возвышением общественного положения ссыльных: он открыл им двери своего дома и посещал некоторых из них лично. Это до такой степени скандализировало «благонмерную» подъяческую среду в Иркутске, что местный губернатор Пятницкий послал к министру внутренних дел донос, причем, конечно, думал, что, «вот, мол, новый генерал-губернатор, который тем временем успел уже очень не по шерсти погладить иркутских взяточников-чиновников¹¹ сломит себе рога». Но что же случилось? Месяца через два после доноса получена Пятницким бумага, адресованная к нему уже не как к губернатору, а как к частному лицу. «Государь-император, – писал министр внутренних дел Л. А. Перовский, – по докладу его величеству содержания рапорта вашего о действиях, по отношению к политическим ссыльным, непосредственного начальника вашего, генерал-губернатора Восточной Сибири, высочайше повелеть соизволил: уволить вас вовсе со службы». А про действия Н. Н. Муравьева покойный император отозвался Бенкендорфу¹²: «Вот, наконец, нашелся человек, который понял меня, понял, что я не ищу личной мести этим людям и, удалив преступников отсюда, вовсе не хочу отравлять их участь там»¹³.

Поздно вечером мы переехали, по разливу Селенги, в деревню Степную и оттуда понеслись на почтовых в Верхнеудинск, где пробыли часа четыре в доме любимца генерал-губернатора – купца Курбатова, владельца чуть ли не единственных в то время в Забайкалье стеклянного завода и мельницы-крупчатки. Число нас было невелико: Николай Николаевич, я и переводчик маньчжурского языка, тогда еще очень молодой человек, Я. П. Шишмарев, впоследствии наш консул в Урге. Это было и все «путевое управление» Восточной Сибири и будущего Амурского края, то есть стран, в совокупности превосходящих всю Европу. Н. Н. Муравьев был враг канцелярского многописания, за которым, как он хорошо знал, обыкновенно скрывается или недобросовестность, или бездеятельность. За все время моего состояния при нем в должности как бы управляющего канцелярией мною было написано всего 102 бумаги, считая тут даже приказы по войскам и нумерованную переписку с некоторыми лицами в Иркутске и Петербурге. Когда я потом был в Ставрополе и увидел, что тамошний штаб, руководивший ходом завоевания Закубанья, выпускал в год более двадцати тысяч бумаг, тогда не осталось во мне сомнения, что действительно, чем более чиновники пишут (всегда, разумеется, лишь для очистки себя от канцелярской ответственности), тем более зла для государства и для самого дела, к которому бумаги относятся. Я понял также, почему деловой генерал Безак отказывал в подписи бумагам более чем в один лист объемом: в бумагах коротких трудно найти место для изворотов и приходится, волею-неволею, говорить только о деле и дело.

¹¹ Одному из советников Главного управления Муравьев, на первых же порах, бросил в лицо его доклад, направленный по корыстным расчетам в неправую сторону, и приказал «убираться вон».

¹² Бенкендорф А. Х. (1783–1844) – один из реакционнейших министров Николая I, шеф жандармов, организатор и начальник Третьего отделения.

¹³ Так говорил мне сам Муравьев; но не смешал ли он тут Бенкендорфа с Перовским или Орловым, – не могу сказать. Кажется, что Бенкендорфа в 1848–1849 годах уже не было у дел. Впрочем, сущность дела от этого не изменяется и мнение Николая I о декабристах остается в своей силе. Не ему ли они обязаны тем, что к ним в Читу был назначен комендантом Лепарский, которого сами они и члены их семей хвалят? В таком случае это любопытный психологический факт: с одной стороны, виселицы и разные свирепости против побежденных врагов, с другой – уважение к личностям их, поблажки*. Впрочем, вся человеческая жизнь обыкновенно слагается из подобных противоречий... Не нужно еще забывать и того, что Муравьев был почитателем Николая именно как нравственного лица, у которого будто бы за жесткими формами скрывалось доброе сердце.* Николай I (1796–1855) – российский император и отъявленный крепостник, душитель революционного движения, отличался исключительным лицемерием. Вот его резолюция по поводу одного солдатского дела: «В России, слава богу, нет смертной казни – дать ему 12 тысяч палок». В данном случае М. И. Венюков принял лицемерие за подлинную монету. Отношение же автора к Николаю I было совершенно ясное, как к душителю свободной мысли, как к «венчанному вахмистру» («Из воспоминаний», книга первая, стр. 74).

После недолгой остановки у Курбатова, во время которой генерал-губернатора посетил архимандрит Петр, знавший китайский язык и одно время предполагавшийся в переводчики, кажется, для посла, мы отправились далее. По-прежнему в одном тарантасе ехали Николай Николаевич со мною, а в другом, нагруженном провизией на все время нашего пребывания на Амуре, – Шишмарев.

Мы скакали день и ночь и делали около 300 верст в сутки, благодаря состоянию дорог в Забайкалье, тогда гораздо более удовлетворительному, чем, например, в 1868 году, когда я видел их снова. Для ускорения переезда мы даже не обедали между Верхнеудинском и Читой (428 верст), а только пили чай и закусывали по-сибирски жареными рябчиками¹⁴. Когда подавался самовар, то камердинер генерал-губернатора, приготавливавший чай, должен был одновременно со стаканами для нас троих наливать и для себя с поваром, чтобы церемония чаепития этих почтенных особ «после господ» не отнимала времени. И замечу, что то же правило соблюдалось Муравьевым постоянно в его путешествиях, а их было немало. По приблизительному соображению, за время своего генерал-губернаторства в Сибири он извездил, по делам службы, 120 000 верст, то есть как бы сделал 3½ путешествия вокруг света, в том числе многие сотни верст верхом на тракте между Якутском и Аяном и многие тысячи на лодках по Амуру. Некоторые из его ближайших сотрудников, особенно адъютантов, делали разъезды в сумме еще более длинные, как, например, Корсаков, над которым смеялись, что он свое атаманство в Забайкалье не выслужил, а выездил. В Петербурге критиковали эту курьероманию; но, по всей справедливости, она была необходима, даже неизбежна. Расстояния в Сибири огромны, передача распоряжений по почте медленна, потому что почта делает 200 верст в сутки, а курьер 300, да и ходит почта во многие места раз в неделю или в месяц, или даже в полгода; телеграфов же, которые в то время плотную сетью растягивались уже по всей Европе, не было на восток не только от Урала, но и от Москвы до 1860-х годов.

Мы приехали в Читу около полудня и остановились в доме губернатора, которого, впрочем, не было налицо. Узнав, что посланник со всею свитою тоже в Чите, Николай Николаевич попросил меня сходить к нему и пригласить на обед. Я исполнил эту миссию и получил согласие графа, хотя у него самого стол был накрыт и он сначала отвечал мне убедительнейшим контрприглашением. Вероятно, отправляя меня к графу Путятину, Николай Николаевич не знал, что в доме Михаила Семеновича Корсакова обеда для нас не готовили, и потому вышла презабавная история. Нашему походному повару пришлось впопыхах готовить походный обед из консервов и подавать его на походном жестяном сервизе. Посол с аккуратностью дипломата пришел в назначенный час, мы сели за стол и – о ужас! – с первого же раза увидели, что походные блюда далеки от идеала кулинарного искусства. Суп с перцем, не довольно разведенный водою, до такой степени жег внутренность рта, что я лишь из приличия съел его три ложки, причем потерял чувство вкуса с лишком на сутки. Адмирал-посланник оказался выносливее, быть может потому, что моряки привыкают к разным крепким приправам, необходимым им от цинги; но я думаю, что и он нашел наш обед несколько спартанским... По счастью, он с третьим блюдом окончился.

Я нарочно рассказал этот простой случай, потому что были люди, которые им воспользовались для целей... вероятно, высшей политики. Перечный обед, с добавлением к нему, впоследствии, гнилых будто бы страсбургских пирогов, стал легендой и комментарием отношений между двумя «дворами» – генерал-губернаторским и посланническим¹⁵. Я знал

¹⁴ Впрочем, на одной станции, под Читой, содержатель ее, еврей Шмьйлович, угостил нас шампанским.

¹⁵ Не все члены последнего знали, однако же, о свойствах обеда; например, барон Остен-Сакен, тогда юноша лет 20-ти, ничего не слышал о перце до 1878 года, как удостоверил меня в том письменно. Зато были господа, говорившие еще в 1857 году на Амуре, что «генерал-губернатор кормит посланника и его свиту дрянью, которую бы следовало выбросить в воду, как, например, заплесневевшими страсбургскими паштетами и гнилыми консервами». И музыку, которая играла в

потом лично большую часть посланнической свиты; это все были приличные люди: архимандрит Аввакум, барон О. Р. Остен-Сакен, А. М. Пешуров и пр.; но в то время мы были в дипломатической войне, при которой молчаливо подразумевалось, что компромисс невозможен. На мою долю иногда выпадала пренеблагодарная роль заменять собою жир, которым смазывают зубчатые колеса, чтобы машина шла успешнее, не скрипела, и я откровенно сознаюсь, что не умел ее выполнять. Самые, по-видимому, невинные обстоятельства, например посылка в Горбице на посланнические катера большой рыбы, только что пойманной в Шилке, перетолковывались вкривь и вкось... Я начинал понимать тогда, что значит воевать за присоединение Амура не против китайцев, а против своих.

Но оставляю эту печальную сторону великого дела. *Errare humanum est*¹⁶, и притом перечные отношения между отдельными лицами не помешали успеху общего им патриотического дела... На другой день после нашего приезда в Читу граф Путятин отправился с утра вниз по Ингоде¹⁷ на лодках, и мы уже не думали много о нем. Николай Николаевич воспользовался этим утром, до полудня, чтобы побеседовать с читинскими чиновниками о местных нуждах. Чита как областной город тогда почти только возникала. Казенных построек было начато множество, и далеко не все были кончены. Это послужило поводом к долгому разговору с архитекторами и инженерами. Помню, одного из их генерал-губернатор убеждал быть как можно экономнее и особенно не прятаться за урочное положение о работах. «Положение это, – громко сказал он, – сочинено графом Клейнмихелем¹⁸, чтобы обкрадывать государство, и честные лица должны не заглядывать в него» Таких резких отзывов о великих и сильных земли¹⁹ мне дотоле не приходилось слышать из уст других великих и сильных, и я в душе порадовался, что служу под начальством человека, не стесняющегося громко говорить такую правду, о которой было принято повсеместно молчать или говорить втихомолку. Прежде я слышал о правдивой резкости князя А. А. Суворова²⁰, но только слышал, а сам свидетелем не был.

Отпустив чиновников и пообедав, на этот раз кушаньями из свежих припасов, мы снова двинулись в путь. За Читую уже становились заметны приготовления к экспедиции на Амур. По Ингоде сплавливались плоты, мелкие лодки и баркасы; иногда приходилось слышать, что из таких-то селений идет на переселение столько-то дворов; в других местах толковали о сплаве вниз по Шилке и Амуру целых домов, чтобы иметь в новом краю возможно скорее готовые помещения; по дороге тянулись небольшие обозы с товарами и кладью, тоже назначенными на Амур. В одном месте генерал-губернатор пожелал заехать к знакомому казаку, уже бывшему на Амуре и оказавшему там некоторые личные услуги ему, Муравьеву. Вся семья встретила нас у входа в дом, почтительно, но без унижения кланяясь; при этом слушающий ее член был в мундире, но старики – попросту в халатах, столь любезных сердцу забайкальца и вообще сибиряка. Был приготовлен самими хозяевами (простыми казаками, а не офицерами) чай с разными сибирскими снадобьями, неказистыми, но очень вкусными. Николай Николаевич расспрашивал о толках, которые шли в народе относительно переселения на Амур, и не трудно было заметить, что, несмотря на тягость этого переселения, оно

Кяхте под окнами посла, для отдания ему почета перед глазами китайцев, считали сибирским маневром, чтобы надосадить графу Путятину и выжить его из Сибири.

¹⁶ *Errare humanum est* (латинск.) – человеку свойственно заблуждаться.

¹⁷ Ингода, река Амурского бассейна, – один из истоков реки Шилки.

¹⁸ Клейнмихель П. А. (1793–1869) – главноуправляющий, а затем министр путей сообщения, «прославился» казнокрадством, чрезвычайной расточительностью и бесчеловечным обращением с рабочими.

¹⁹ Правда, Клейнмихель в это время уже не был министром путей сообщения, но он продолжал состоять членом Государственного совета.

²⁰ Суворов А. А. (1804–1882) – внук великого русского полководца, генерал-губернатор Прибалтийского края, а затем петербургский военный генерал-губернатор.

популярно между казаками, особенно хвалившими равнины близ Буреи, которые казались им раем в сравнении с даурским нагорьем. Когда маленькая хозяйская дочь, ребенок по третьему году, получила от генерал-губернатора «за угощение» целую пригоршню гривенников и пятиалтынных, совершенно новеньких, то счастью семьи, по-видимому, не было конца. В крае, управляемом единоличной сильной властью, подобные посещения простолудинов носителем этой власти, мне кажется, имеют большой *raison d'Être*²¹ и приносят иногда существенную пользу.

В тот же день и даже после этого несколько идиллического эпизода мне пришлось быть впервые свидетелем и небольшой административной грозы. При перемене лошадей в Нерчинске генерал-губернатор заметил, что как они, так и сбруя очень плохи. Он приказал поэтому посадить почтодержателя на гауптвахту... Конечно, последний, по наружности, был неправ; от него, по контракту с почтовым начальством, требовались лошади, хомуты, шлеи, вожжи и пр. исправные; но как-то сам собою представлялся вопрос: отчего же именно в городе, то есть в месте, где живут почтовые власти, станция хуже, чем в соседних селениях? Не была ли причиною исхудания лошадей и сбруи именно эта близость начальств, слишком внимательных к доходам местного клиента или разъезжавших на его лошадях по своим частным делам? Вся Восточная Сибирь знала, что именно по этой причине существовали постоянные беспорядки на почтовой станции в другом уездном городе, Ачинске, где станционная жалобная книга была исписана от начала до конца жалобами на почтосодержателя, вечно остававшимися, по приговору почтмейстера, без всяких последствий. Относительно Нерчинска я впоследствии узнал то же самое; но так как и прежде меня проезжали через этот город сотни читинских и иркутских чиновников, то, казалось бы, дело не могло оставаться в безызвестности с давнего времени. А потому арестование какого-то безвестного мещанина мне показалось совершенно неюридическим и даже противным основному правилу взысканий административных, дисциплинарных, по которому высший начальник всегда должен взыскивать не с младшего из подчиненных, а с ближайшего к себе в иерархическом порядке. Замечу здесь кстати, что корыстолюбие нерчинского почтмейстера стало, наконец, в 1858 году известно генерал-губернатору, и не по тайным сделкам его с содержателями станций, а по явному и наглому вымогательству с людей, вовсе ему не подведомственных. Именно: Нерчинская почтовая контора была в то время крайнею к стороне Амура, где принимались посылки, привозимые, например, из Николаевска, который еще был *porto-franco*²². Пользуясь этим, догадливый почтмейстер стал требовать, например, от отправителей манильских сигар, чтобы они в Нерчинске на почте уплачивали ввозные пошлины по какому-то им установленному тарифу. Один из чиновников особых поручений при генерал-губернаторе узнал об этом от самого отправителя сигар, г. Кондинского, и доложил. «Что же мне делать с ним? – отвечал Н. Н. Муравьев, – разве велеть городничему по ошибке в потемках высечь²³ него-дя?.. Ведь вы знаете, что почтовое ведомство у нас *status in statu*²⁴. Я не имею никакой власти остановить какое-либо зло, делаемое почтовым чиновником в его конторе. Мало того: я сам делаю в Иркутске визиты губернаторскому почтмейстеру собственно для того, чтобы он моих писем не читал и не задерживал». Признание знаменательное, и которое хотя отча-

²¹ *Raison d'Être* (французск.) – разумное основание, смысл.

²² *Porto-franco* (итальянск.) – порт или приморская область, пользующиеся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

²³ Примеры подобных пороков чиновников бывали в Восточной Сибири. В Кяхте генерал-губернаторский чиновник особых поручений Сычевский высек полицмейстера, явившегося на пожар пьяным. В самом Нерчинске один городничий высек исправника на могиле своей жены, чести которой исправник позволил себе неосторожно коснуться. По последнему делу было следствие, которое, кажется, нашло, что порка была произведена «по ошибке, в потемках». Пьяный исправник был-де принят за бродягу или вора, скрывавшегося на кладбище.

²⁴ *Status in statu* (латинск.) – государство в государстве.

сти объяснило мне, почему за беспорядки на Нерчинской станции был арестован не почтмейстер, а почтосодержатель.

В Бянкине, следующей станции за Нерчинском, мы сели на катера и лодки, нарочно для нас приготовленные, и начали таким образом наше путешествие водою, которое должно было длиться несколько дней. Но, впрочем, не Бянкино и не следующий за ним Сретенск, на Шилке же, служили местом отправления экспедиции. Шилка тут хотя и имеет уже много воды, но довольно неудобна для судоходства по причине быстрин и перекатов. Только очень небольшие плоскодонные суда могут плавать по ней, особенно в малую воду. Вот почему уже с 1854 года точкою отправления амурских сплавов служил Шилкинский завод, верстах в 80-ти ниже Сретенска. Туда, наконец, мы и прибыли, чтобы дать последний толчок предположенному на этот год делу. В заводе – длинном селении, в котором, собственно, горнозаводская деятельность уже не существовала, – устроена была верфь для судов, составлялись и нагружались плоты, строились барки и даже в 1854 году были выстроены два парохода – «Аргунь» и «Шилка». Подготовлением всей экспедиции 1857 года занимался лично военный губернатор Забайкалья Корсаков, а начальниками сплавов или эшелонов были назначены: военного, следовавшего впереди, – майор Языков, командир одного из двух батальонов, составлявших весь экспедиционный отряд, а гражданского, следовавшего сзади и составленного из разного рода казенных грузов, – полковник Ушаков, почтенная личность, честная, но несколько слабая, так что, благодаря ему, в ходе экспедиции обнаружились потом некоторые замедления.

Здесь у места вспомнить, как вообще снаряжались и производились амурские экспедиции. Что это не были нашествия русских войск с целью кого-либо разгромить или покорить оружием, как на Кавказе или потом в Туркестане, – это более или менее известно каждому. Согласно требованию императора Николая, «чтобы на Амуре порохом не пахло», присоединение его не стоило России ни капли крови, ни одного выпущенного патрона. Войска брались на всякий случай, а главное – как рабочая сила для водворения русских оседлостей. В 1854–1855 годах они, правда, отправлялись на низовья Амура для защиты этой местности от англо-французов, и с ними дрались в Де-Кастри²⁵; но по заключении в 1856 году мира значительная часть этих боевых служак была возвращена. Теперь, то есть в 1857 году, речь шла о солдатах почти лишь как о строителях разных казенных зданий, предположенных к возведению вдоль Амура, да еще как о помощниках колонистам в сплаве имущества и возведении домов. Батальоны должны были сплыть из Шилкинского завода на устье Зеи и по возможности безотлагательно приступить к постройкам жилищ для себя и для казаков как на этом важнейшем пункте предположенной колонизации, так и вверх и вниз от него по Амуру. В случае, если со стороны китайцев опасаться было нечего, предполагалось, на зиму 1857/58 года оставить во вновь занятой стране всего один батальон, а другой вернуть в Шилкинский завод, как рабочую силу и прикрытие для экспедиции следующего лета. Разумеется, что, отправляя солдат в далекий и пустынный край, следовало больше всего заботиться, чтобы они были хорошо обеспечены продовольствием на возможно долгий срок, снабжены средствами для возведения жилищ, устройства для себя огородов, поддержания в порядке одежды и т. п. Все нужные для того предметы, вместе с порохом и оружием, и составляли военный сплав. Так как число гребцов на нем всегда было значительно, то он в состоянии был плыть скоро и прибыть, например, из Шилкинского завода на Зею (1 000 верст) дней в десять. Солдаты и офицеры 13-го и 14-го сибирских линейных батальонов

²⁵ В 1854–1855 годах, во время войны с Россией (Крымская война) англо-французский флот большими силами напал на русский Дальний Восток. В результате героической обороны Петропавловска и своевременно предпринятых мер по укреплению морского побережья эти нападения были полностью отбиты.

были уже опытны в деле амурских экспедиций, и потому опоздания этого военного эшелона опасаться было нечего.

Гораздо более забот внушал сплав грузовой. Огромное количество муки, круп, соли, спирта, солонины, живого скота, полотен, сукон, кож, разных инструментов и пр. для войск, находившихся в низовьях Амура, и для крестьян, там недавно поселившихся, занимало множество барок и плотов, для управления которыми рабочих найти было нелегко. Правда, доставка этого груза была отдана с подряда одному купцу, но при неизбежном, по существу дела, содействии военной администрации и под надзором ее. Коммерческая ответственность есть, как известно, имущественная, то есть определяется большей или меньшей неустойкой за неисправность исполнения подряда. Но что пользы было бы взять с неисправного доставителя грузов в Николаевск несколько тысяч рублей, когда от его неаккуратности перемерло бы много людей голодной смертью или безвозвратно пострадали бы многие важные интересы государства? Поправить зло в том же году было бы уже нельзя, потому что ведь не на Уссури же или Гырине²⁶ нашлись бы нужные запасы, суда и рабочие для формирования нового сплава, а думать о втором рейсе из Забайкалья было бы нелепо. Кроме того, тяжкие опыты прежних годов показали, что на Нижнем Амуре, то есть ниже Сунгари, бывают такие бури, которым не всегда могут противостоять даже хорошо устроенные суда; а тут приходилось часть груза сплавлять на плотах; следовательно, нужно было иметь за сплавом строгий надзор и помощь в виде запасных рабочих-солдат.

Наконец, в 1857 году к названным двум элементам всякой амурской экспедиции присоединился в значительном количестве третий, – именно переселенцы с их имуществом. Отправлялись из состава Забайкальского казачьего войска 450 семейств, долженствовавших занять огромную линию от Усть-Стрелки²⁷ до Хингана – около 980 верст. Сплав их шел по Онону, Шилке и Аргуни, и хотя был оставлен на попечение их собственных казачьих начальств, под общим руководством бригадного командира Хилковского, но в конце концов он озабочивал и общее начальство экспедиции, то есть самого генерал-губернатора. В действительности он причинил ему даже больше забот, чем какое-нибудь другое дело в течение лета 1857 года. Казакам-переселенцам выданы были денежные пособия (очень небольшие в сравнении, например, с кавказскими колонистами 1862–1864 годов), обеспечено на первые 14 месяцев продовольствие (на Кавказе на три года) и обещано содействие регулярных войск для постройки жилищ. Но они должны были селиться там, где им укажут, и в первое лето обстроиться, запастись сеном и даже распахать пашни...

Когда мы прибыли в Шилкинский завод, приготовления к началу экспедиции были подвинуты сильно. Вдоль по реке на большом протяжении стояли плоты, барки и лодки, долженствовавшие поднять отряд и военные грузы. Многие из них были совершенно готовы к отплытию; другие, как к удивлению оказалось, еще не начинали грузиться. И именно не погружена была мука, то есть предмет безусловной необходимости.

«Отчего? Где подрядчик?» – на этот зов явился к генерал-губернатору поверенный подрядчика (помнится, купца Серебрякова) – М. А. Бестужев²⁸, один из сосланных в 1826 году, и объявил, что барки у него давно готовы, но что интендантские чиновники делают каверзу. В контракте сказано, что подрядчик обязуется на свой счет погрузить на барки хлеб с берега, провиантские чиновники хотели этому слову дать такой смысл, что из магазинов, находящихся, конечно, по-морскому, на берегу, то есть на суше, а не на воде, но на значительном расстоянии от реки; а подрядчик, конечно, толковал контракт по-сухопутному, так как

²⁶ Река Гырин – Горин.

²⁷ Усть-Стрелка – пост на месте слияния рек Шилки и Аргуни, откуда начинается собственно Амур; Хинган – имеется в виду район, где Амур прорывается через Хинганский хребет; река Онон – один из истоков Шилки.

²⁸ Бестужев М. А. (1800–1871) – декабрист и писатель, сослан был в Сибирь не в 1826 году, как указывает М. И. Венюков, а в 1827 году.

моря в Шилкинском заводе нет и слово берег имеет тут один смысл. Ясно было, что интендантские выжиги хотели прижать подрядчика, чтобы взять с него хоть половину той суммы, в которую бы обошлась перевозка хлеба за несколько сот сажень. А сумма была немалая, потому что подводы в Шилкинском заводе в это время стоили очень дорого. Это вывело из терпения Муравьева, который и решился дать чиновникам гонку. Она состоялась на следующее утро, немедленно после представления всех служащих, находившихся в Шилкинском заводе. Лица эти были выстроены в небольшой генерал-губернаторской приемной по старшинству чинов; подходя по очереди, Муравьев с каждым говорил несколько слов, большей частью очень любезных; но трех интендантских чиновников он миновал, сказав им только: «Вы останетесь здесь, когда другие уйдут», – совершенно так, как, бывало, в блаженные времена субботних экзекуций, говорилось семинаристам. И экзекуция последовала, да такая, что я, посторонний, был ошеломлен. Слова «мошеничество» и «воровство» не были самыми сильными и жесткими в грозной речи. Виновным был обещан солдатский мундир; полицмейстеру завода приказано было безотлагательно и за какую бы ни было цену нанять рабочих и подводы для доставки хлеба к баркам из магазинов, а мне поручено написать обер-провиантмейстеру в Иркутск предписание, чтобы он «выгнал негодяев со службы»... Замечательно, что чиновники выслушали диатрибу²⁹ довольно спокойно; вероятно, они к ней готовились, и, конечно, из всех генерал-губернаторских распоряжений самое неприятное для них было – о немедленном найме на их счет рабочих. Немедленного удаления со службы они не боялись, потому что заменить их было некем³⁰.

После поучения, данного интендантам, приготовления к отходу сплава оживились и, казалось, новых случаев к задержке не было. Но, по пословице, – одна беда никогда не бывает, а ведет за собою другую. В тот же день мы узнали, что одна из барок, нагруженная порохом для Николаевска, слегка затонула, причем порох хотя и был в бочонках, но, конечно, подмок. Где-нибудь в Англии этот случай был бы пустым, потому что заменить подмокший порох было бы легко. Совсем не то в Восточной Сибири, куда пороховые запасы доставлялись из Казани гужом, так что бочонки бывали в дороге по четыре месяца. Порох был вещью важною. Но, разумеется, с неудачею пришлось помириться. Узнав, что подмочка не особенно велика, я позволил себе предложить пересушку пороха с тем, чтобы потом сдать его в горное ведомство для взрывов скал. Мысль моя была одобрена, но ведь горное ведомство могло заартачиться, сказать, что ему не нужно дряни, или принять запас с оговорками, что в нем лишь столько-то годного материала, а остальное подлежит сложению со счетов, и т. п. На подобные оговорки бюрократы вообще большие мастера, а бюрократы-хозяева в казенных делах – особенно. К счастью, ничего подобного не случилось. Н. Н. Муравьев умел подбирать себе сотрудников, у которых честное отношение к делу было первым законом их службы, а крючкотворство стояло на самом последнем месте. Начальником нерчинских заводов был в это время умный и благородный полковник Дейхман – тот самый, что потом пострадал за человеколюбивое обращение с Михайловым³¹. Узнав, в чем дело, он без затруднения согласился принять подмоченный порох в горное ведомство, и таким образом казна избавилась от многих тысяч издержек, а у генерал-губернатора дело ограничилось тремя распоряжениями: Ушакову – сдать, Дейхману – принять и в штаб, в Иркутск – заменить

²⁹ Диатриба – резкая придирчивая речь с нападками личного характера.

³⁰ Вероятно по причине невозможности этой замены, Муравьев отменил и предписание обер-провиантмейстеру, объяснив мне, что изложит свою волю в частном к нему письме. Мне казалось также, что эту отмену Николай Николаевич сделал еще и потому, что в нем заговорил голос совести: ошельмовав чиновников, он одумался и не пожелал их губить: дело обыкновенное у людей вспыльчивых, но не злых; только оно может кончиться убийством оскорбителя или самоубийством ошельмованного, если он прав и имеет чувство чести.

³¹ Михайлов М. Л. (1826–1865) – поэт-переводчик, революционер. В 1861 году за составление и распространение революционных прокламаций был сослан на каторгу в Нерчинский округ, где и умер.

затонувший порох. Власти в Николаевске должны были узнать о случае от самого начальника сплава.

II

Мая 26 и 27 экспедиция, по мере изготовления к отплытию, стала трогаться в путь. Вдоль по Шилке потянулись разбросанные на большом пространстве барки, плоты и лодки. Генерал-губернатор и посланник ехали на двух совершенно сходных катерах с небольшими домиками на палубе; свита графа Путятина – на довольно большой барже, тоже с приспособлениями для жилья, а я и Шишмарев – на маленьких лодочках-душегубках, с одним гребцом каждая. Берега Шилки, обставленные суровыми, скалистыми горами, на которых растет исключительно хвойный лес, представляли зрелище поразительное по своему пустынному величию, особенно вечером, когда в долине реки темнота наступала гораздо ранее, чем по вершинам гор. Часам к пяти пополудни мы прибыли в Горбицу – последний в то время населенный пункт наш по Шилке³². Тут, на берегу реки, жил в то время в порядочном доме зауряд-войсковой старшина Скобельцин, который сделал в 1851 году экспедицию в восточную часть Станового хребта вместе с полковником Ахтэ и топографом Крутиковым. Однажды ему, тогда простому уряднику, пришлось на могучих плечах своих нести больного начальника экспедиции и вообще, как в это время, так и впоследствии на Амуре, явить столь мужества в перенесении трудов и лишений, столько настойчивости в достижении целей, ему указанных, что генерал-губернатор, не имея возможности повести его далеко по административной дороге, дал ему чин зауряд-войскового старшины (на производство в подобные чины он имел право) и выхлопотал владимирский крест, дававший в то время права дворянства. Подобно другим почетным казакам, Скобельцин жил оборотами по меховой торговле, скупая меха у тунгусов и собственных сослуживцев-охотников. В доме было заметно довольство, но простота господствовала патриархальная. Н. Н. Муравьев остался у него пить чай, вспоминал его службу, спрашивал его указаний насчет хозяйственных условий Амурского края и вообще оказывал столько внимания, сколько мог. Но ночевать у него мы не остались, а поплыли дальше. Ночью экспедиция была еще живописнее, потому что огоньки были рассеяны по реке там и сям, двигались, исчезали за выступами берегов; но скоро мы, то есть два катера, суда свиты и две канонерки, составлявшие конвой, отделились от барж и плотов, далеко их обогнав. Еще день, еще ночь в горной пустыне – и рано утром 26 мая 1857 года мы увидели Амур.

История открытия Америки в повествованиях Вашингтона Ирвинга³³ и Прескота, рассказ Мунго-Парко о первом виде на Нигер знакомы с юности каждому образованному человеку. Молодое поколение 1840–1850 годов, кроме того, зачитывалось Гумбольдтом, его

³² Нерчинский договор между Россией и маньчжурской Цинской империей был подписан 27 августа 1689 года. Он последовал за вооруженным конфликтом, вызванным стремлением маньчжурской династии, поработившей китайский народ, к захвату русского Приамурья. Стойкость русских гарнизонов, оборонявших Приамурье, и противоречия с северомонгольскими и джунгарскими феодалами заставили маньчжурских завоевателей отказаться от далеко идущих захватнических планов. Несмотря на то, что русское посольство в Нерчинске (центр Нерчинского воеводства), как и сам город были фактически осаждены превосходящими силами маньчжурской армии, Россия по Нерчинскому договору закрепила за собой верхний бассейн Амура и открыла возможности для русско-китайской торговли. Однако Албазин и другие населенные пункты по Амуру, Зее, Бурее и ряду других рек пришлось временно оставить. Пограничная линия, по Нерчинскому договору, оказалась крайне неопределенной из-за плохого представления о географии края и расхождений в названиях рек и гор в русском, латинском и маньчжурском экземплярах договора. Фактически Среднее и Нижнее Приамурье оставались почти пустынной, незаселенной ничьей землей. Длительный процесс освоения Амура русскими подготовил пересмотр территориальных статей Нерчинского договора, что было и произведено в 1858–1860 годах по Айгунскому договору и Пекинскому трактату между Россией и Китаем.

³³ Ирвинг У. (1783–1859) – американский писатель; Прескотт У. Х. (1796–1859) – американский историк. Оба много писали о появлении европейцев в Америке; Гумбольдт А. (1769–1859) – выдающийся немецкий географ и естествоиспытатель; Бальбоа В. (1475–1517) – испанский конкистадор; Нигер – река в Западной Африке; Ориноко – река в Южной Америке.

странствований по Ориноко и Рио-Негро. Мудрено ли, что те из нас, которые впервые увидели Амур, испытывали ощущение, родственное с тем, какое было чувствуемо, например, Васко Нуньесом де Бальбоа, когда он с высот Панамского перешейка увидел впервые Тихий океан. Конечно, Амур не был уже новостью для нас, как для спутников Пояркова и Хабарова³⁴, но идея, с ним связанная, была так же свежа и величава, как если бы мы сами были первыми открывателями. Смотри на широкий поток, мирно струившийся прямо к востоку, многие из нас думали: там, где-то далеко, почти так же далеко, как от Москвы до Арарата, река эта вливается в море, и это море – Великий океан, единственный открытый путь из России не в Швецию, не в Турцию, не в Персию, а в Америку, Австралию и Южную Азию...

Я с намерением освежаю эти воспоминания, чтобы записать здесь, по поводу их, и другие, которых, конечно, никто не назовет сентиментальными. Еще в Иркутске подполковник Будогосский, мой непосредственный начальник, когда узнал, что ему вообще в течение лета 1857 года не удастся быть на Амуре, стал мне вполголоса говорить, что все амурские экспедиции – фарс, что Амур – дрянная, болотистая река, в которой местами всего на три фута воды, как, дескать, удостоверились в 1855 году спутники адмирала Путятина, что все амурские затеи рано или поздно окажутся затеями. Я не имел тогда достаточно точных сведений о природе Амурского края и хотя, прочтя статьи Пермыкина³⁵ и Аносова и имея в руках съемку Попова (глазомерную, но обстоятельную), не верил Будогосскому, но и не полагал, чтобы его отзывы напоминали отзывы огорченной лисицы о винограде, с придачею еще кое-чего. Теперь я понимаю, что это была ложь, даже намеренная ложь, чтобы вызвать меня на какую-нибудь обмолвку об Амуре, неприятную для генерал-губернатора и, следовательно, долженствовавшую вызвать его нерасположение ко мне... Я немедленно сделал помощью буссоли измерение ширины реки и переехал ее от одного берега до другого с лотом в руках. Оказалось, что ширина достигает 226 сажень, что равно ширине Невы у Литейного моста, а глубина по фарватеру, идущему почти посередине реки, несколько ближе к правому берегу, доходила до 27 футов, то есть почти четырех сажень. Где же правда у тех, которые в Петербурге и даже в Иркутске бросали сомнение на достоинство Амура как водного пути?

Мы простояли часа два в Усть-Стрелочном карауле, расположенном на Аргуни, близ слияния ее с Шилкой, и генерал-губернатор осведомился о том, какие меры приняты, чтобы в этом пункте люди, подлежащие возвращению с Амура, находили нужные запасы сухарей, спирта, мяса, сухих овощей и пр. Тут следовало бы остаться для наблюдения за сплавом колонистов общему начальнику их, Хилковскому; но Николай Николаевич пригласил его сопутствовать нам в плавании вниз по Амуру теперь же, чтобы осмотреть места, где предназначалось основать станицы, – и сделал ошибку, в которой потом неоднократно раскаивался. Хилковский был умный, точнее – хитрый, казак, которому нравилась мысль попасть на Амур бригадным командиром и развить здесь хорошую торговлю скотом и мехами, уже веденную им в Цурухайту; он был большой домовод, владелец конских табунов; но административные его дарования оказались не особенно великими. Отказаться от сопутствования генерал-губернатору у него недоставало или соображения, или воли. Он даже уверял, что караваны переселенцев вполне готовы и плывут – одни по Онону, другие по Аргуни, что все у них в изобилии и пр. Это было далеко не точно.

Плавание наше, то есть генерал-губернатора и посланника с их свитами и двух канонерских лодок с 80 солдатами и двумя пушками, началось от Стрелки часов в 10 утра, и так как Амур был удобнее Шилки, то мы на другой день утром были уже на Кутоманде, небольшом посту, основанном год тому назад и достопамятном в летописях Амура. Здесь мы нашли

³⁴ Поярков В. Д. и Хабаров Е. П. – знаменитые вожаки русских землепроходцев, присоединивших к России в середине XVII века Приамурье.

³⁵ Пермыкин Г. – чиновник Департамента уделов; весной 1856 года он проплыл от Усть-Стрелки до Николаевского поста (позднее город Николаевск-на-Амуре); Аносов Н. П. – горный инженер, также проплыл по Амуру до его устья.

на якоре пароход «Шилку», чинивший машину. Пароход этот составлял амурский курьез, и потому о нем стоит сказать два слова. В 1854 году, перед первой Амурской экспедицией, были выстроены в Шилкинском заводе два парохода – «Аргунь» и «Шилка», на которые были поставлены кое-какие машины. «Аргунь» сравнительно удалась и плавала несколько лет по Амуру, особенно в низовьях, где течение тихо; но «Шилка» была решительно неповоротливым чудовищем, про которое генерал-адмирал Константин Николаевич³⁶ справедливо сказал, что оно «ходит только по 200 верст в год, да и то по течению». Машина его и котлы занимали чуть ли не две трети емкости корпуса, а сила первой была так мала, что судно решительно не могло ходить против течения. Надеялись помочь горю кое-какими переделками, и с этой целью на Кутоманду, где пароход зимовал, с ранней весны был отправлен капитан-лейтенант Соханский с командой мастеровых и матросов. Он-то нас и встретил теперь, исхудалый, утомленный трудами и лишениями, но не терявший надежды «дать пароходу два узла хода против течения на самом быстром месте Амура». Считая в день средним числом по 14 часов плавания, это дало бы 49 верст в сутки, на более тихих местах, может быть, – 60. Очевидно, игра не стоила свеч, и впоследствии генерал-губернатор приказал сплавить «Шилку» в Николаевск как баржу.

Я сейчас сказал, что Кутоманда достопамятна в летописях Амура; объясню теперь – почему. В 1856 году тут находился склад продовольствия для людей, по окончании сплава возвращавшихся с низовьев Амура. Людей этих было много, и между ними было 600 солдат. Корсаков, за отсутствием Муравьева, уехавшего на коронацию в Москву, распорядившийся на Амуре, назначил последним идти вверх по реке, бечевою, по 40 верст в день и даже еще рубить на ночлегах дрова в запас для пароходной навигации следующего года. Это было неисполнимо, но все-таки приказано и, следовательно, предполагалось подлежащим исполнению. И, собственно, беды в таком распоряжении не было бы, потому что от небуквального исполнения его никто бы не потерял, а только люди вернулись бы в Забайкалье недель-другой позднее. Но беда была в том, что молодой атаман, полагаясь на непогрешимость своих соображений, распределил по Амуру и посты с запасами по такому расчету, что солдаты должны были двигаться по 40 верст в сутки из опасения, что продовольствия, взятого с одного пункта, не хватит до следующего. Ближайший от Кутоманды вниз по Амуру склад продовольствия находился на Кумаре, то есть в 350 или более верстах. Наступил октябрь, когда солдаты достигли последнего склада и получили там сухарей и пр. на десять дней. Приходилось идти по холоду, столь значительному, что на реке каждое утро являлись ледяные забереги. Скоро появилась и шуга, по-русски – сало, то есть мелкий лед, предшествующий замерзанию реки; двигаться не только по 40, но и по 4 версты в день с лодками было нельзя. Приступили к постройке санок, на которых бы можно было везти продовольствие, оружие, кладь и больных; уменьшили дневную дачу и начали подвигаться помаленьку через пеньки, камни, не совсем установившийся лед и пр. Солдатам велено было охотиться в прибрежных лесах; но дичь в этих лесах, постоянно беспокоиваемая охотниками-тунгусами, держится вдали от реки, и охота солдат была почти бесплодна. Тогда над законами и распоряжениями начальства стал брать верх непреложный закон естественный. Люди начали умирать с голоду, они ели подошвы, ранцевые ремни и т. п. Сам начальник команды подполковник Облеухов съел собственную собаку. Усталые солдаты отказывались идти и ложились умирать; у других являлась мысль питаться человеческим мясом. И несомненно, что случай подобного людоедства был... В 1857 году один из этих людоедов находился на устье Зеи, то есть в теперешнем Благовещенске, и отбывал эпитимию, которая была на него наложена духовными властями. Об уголовном преследовании, разумеется, не было и речи, потому что всякое следствие было бы слишком невыгодно – не для солдата, а для начальников.

³⁶ Романов К. Н. (1827–1892) – второй сын царя Николая I, управляющий морским министерством.

Подполковник Облеухов знал, что на Кутоманде есть склад запасов. Он отобрал наиболее сильных людей и послал их вперед известить о несчастье начальника поста. Велика была радость его, когда однажды люди эти вернулись назад и подкрепили отчаявшихся в своем спасении товарищей известием, что хлеб близко... Но на Кутоманду из 600 человек все-таки пришло лишь 330, а 270 остались в холодной пустыне.

Вот этих-то людей могилы мы начали встречать по берегам Амура вскоре после отплытия из Кутоманды. Местами пережившие их товарищи поставили над ними кресты. Завидев такой крест, набожный граф Путятин иногда останавливался и приглашал своего спутника – архимандрита Аввакума прочесть молитву. Но читать над всеми было бы слишком долго, и мы большей частью проплывали мимо них, не останавливаясь... Вечная память этим безвестным страдальцам, жертвам не великого дела, а неумелости тех, кто брался ими распоряжаться...

Плавание наше продолжалось безостановочно, день и ночь. Иногда только мы приставали на короткое время к берегу, чтобы перед обедом или завтраком дать время стянуться всему каравану. Обедали и завтракали обыкновенно на катере Н. Н. Муравьева, где всегда шла живая беседа, прекращавшаяся только на короткое время ночью. А ночи в начале июня так недлинные! Только раз до самого устья Зеи мы встретили людей: это были орочены, ловившие рыбу особого рода снарядами среди реки. На вершине треножника, связанного из жердей, которые воткнуты в дно, сидел косматый тунгус и зорко наблюдал, когда рыба попадет в снасть; тогда другие, на лодочках, подъезжали и выгружали пойманное. Первые следы китайских оседлостей встретились на Улус-Модоне, где был расположен маньчжурский караул, вероятно, для наблюдения за рекой в этом любопытном месте, где она описывает замечательную двойную излучину, почти в виде цифры 8, и где перешейки между кривыми коленами так узки, что каждый из них можно миновать пешком в полчаса, тогда как по реке приходится плыть около 30 верст.

Июня 3, перед вечером, показалась вдали маньчжурская деревня Сахалян. По карте, здесь должен был находиться на левом берегу Амура, то есть против деревни, наш пост; и в самом деле, мы скоро заметили казаков, выстроившихся на площадке. У берега была сделана небольшая пристань из досок на козлах. Мы причалили и вышли на сушу. Пожилой казачий офицер, начальник караула, по обычаю отрапортовал, что «на Усть-Зейском его императорского величества посту³⁷ все обстоит благополучно», и когда генерал-губернатор спросил его: «Сколько у вас умерло за зиму людей?» – с небольшим вздохом, но официально-холодно отвечал: «Двадцать девять, ваше высокопревосходительство!» А у него и вся команда-то состояла из одной сотни!.. Почтенный этот старец был сотник Травин, которого потом мы все научились уважать.

Поздоровавшись с казаками и поблагодарив их за трудную службу, Н. Н. Муравьев захотел посетить кладбище, где были похоронены умершие их товарищи. Архимандрит Аввакум был приглашен на этот раз отслужить уже панихиду. И вот мы собрались, с непокрытыми головами, в одной небольшой пади или лощине, где стояло несколько крестов, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здесь, на далеком Востоке Азии, все мы, живые и мертвые, правые и левые, красные и зеленые, – члены одной великой русской семьи, что когда-нибудь история вспомнит и о скромном кладбище под увалом левого берега Амура, и о тех, кто в виду его готовились... кто знает? может быть, тоже лечь в могилу в том же далеком от родины краю. Утешением могло быть одно именно, что край этот отныне можно уже было считать несомненно русским.

На другой день, оставив меня распоряжаться нашим водворением на посту, генерал-губернатор отправился лично провожать посланника вниз по Амуру. Скоро начали под-

³⁷ Усть-Зейский пост – сейчас город Благовещенск, административный центр Амурской области.

плывать солдаты с их барками и плотами. На основании приказаний генерал-губернатора я указал им место, где причаливать, а сам занялся съемкой той обширной равнины, которая составляет стрелку при слиянии Амура с Зеєю. Когда Николай Николаевич вернулся с проводов, простирившихся до Айгуня³⁸ (30 верст) и даже далее, то мы вдвоем, то есть он, я и Хилковский, пошли осматривать местность, чтобы оценить годность ее под поселение. Так как Хилковский в деле оценки угодьев считался авторитетом, то и признано было генерал-губернатором, что лагерь, а в будущем и город могут быть поставлены на равнине. И хотя можно было опасаться, что она подвергается наводнениям при разливах, но как сотник Травин объявил, что в этом году разлив нигде не распространялся на осмотренную местность, то я получил приказание разбить для пехоты и артиллерийского дивизиона лагерь. Войска, оставленные было мною немного лишь ниже поста, против увалов, сплыли версты на две вниз и приступили к выгрузке тяжестей и к постройке барачных из двойной плетневой ограды, с промежутком, набитым землей.

Работа закипела. Немедленно, верст на десять вверх по Амуру и Зее от места их слияния, был вырублен весь прибрежный тальник, и началось сооружение из него плетней. Ветвям не давали даже увядать, и потому скоро заметили, что по мере того как промежутки между плетнями наполняются землей, самые плетни начинают прорастать и давать большие ветви внутрь и внаружу барачных, что не обещало приятных условий для здоровья солдат. Но так как батальонные начальства, имевшие в своем распоряжении лекарей, не жаловались на это обстоятельство и, напротив, говорили, что это всегда так бывает, то барачные беспрепятственно строились и покрывались тоже плетнем и слоем земли с зеленым дерном сверху. Строился еще дом для будущего начальника отряда и всего края, но это был дом из дерева, даже вполне сухого, потому что здание было перевезено разобранным из Бянкина, где уже служило жилищем бригадному командиру.

Лагерь возникал быстро и скоро принял определенную форму. В нем ежедневно игралась заря, и при этом делался холостой выстрел из пушки. Как ни невинно было это последнее занятие, но на китайцев оно наводило ужас. Жители деревни Сахалян разбежались при выстреле, как, по крайней мере, уверял нас У-бошко, или унтер-офицер китайской армии, проживавший почти безвыездно у нас на посту, конечно, в должности шпиона. Этот У-бошко был преоригинальная личность.

Наблюдатель-философ, знавший два языка – китайский и маньчжурский, он с ученою важностью делал какие-то заметки на одном из них, конечно, для представления их начальству; но в гораздо большей дружбе жил он с нашими людьми, чем со своими. Причина понятна. Патриотическому соглядатаю в бытность на нашем посту не только не угрожали пуля в лоб или хоть плети, но частенько перепадали то плитка серебра рубля в три, то серебряные часы рублей в десять, то кусок синего драдедаму на курму, то какой-нибудь другой подарок. Все это он принимал, показывая на свою шею, на которую будто бы легко может быть надета петля за дружбу с нами; но все, особенно плитки, с охотою прятал в неизмеримо глубокий и широкий карман и отвозил домой в потайной сундук, чтобы не возбудить зависти соседей и подозрительности начальства, которое бы, конечно, вещи отобрало, а его вознаградило бамбуками. У него был небольшой, но хороший компас в деревянной оправе, на которой имелись солнечные часы, устроенные как раз для параллели 49°, под которой лежит Айгунь. Когда я показывал ему свою буссоль, шмалькальдеровой системы, он хвалил ее отделку, но находил, что медь тут потрачена напрасно, что стрелка теряет часть чувствительности в металлической оправе, что металлы ржавеют и т. п. Откуда он почерпнул такие обширные познания в физике, я не знаю; но он чувствовал свою силу и относился с некоторым пренебрежением к нашим солдатам и казакам, которые хотя компас и видали,

³⁸ Айгунь – китайский город на правом берегу Амура.

даже умели его употреблять на охоте в тайге для узнания, где север, но ценить его качества не могли. У-бошко у себя дома пил просяную водку, или майгалу, которая прескверно пахнет; вот почему, когда мы познакомили его с европейскими спиртными напитками, он стал откровенно предпочитать их отечественному, хотя никогда не напивался пьяным. Иногда он начинал хвастать величием Небесной империи, но вид заряженного ружья с примкнутым штыком, стоявшего в козлах, обыкновенно скоро возвращал ему смирение, и он замечал, что по части машин и оружия мы в союзе с нечистой силой. Вид парохода «Лена», пришедшего с низовьев Амура и имевшего, по-американски, одно движущее колесо сзади, а на палубе надстройку в виде дома с башней, также заставлял его только помахивать головой и прищелкивать языком, чтобы выразить, что нехорошо честным людям прибегать к помощи дьявола.

Однажды, помнится, дней через 7–8 после нашего приезда, У-бошко возвестил, что айгунский амбань имеет в виду прислать к нам на пост посольство, в составе трех офицеров и множества солдат на джонках, для принесения генерал-губернатору поздравления с счастливым приездом. Хотя парохода, то есть самого чудесного выражения нашего чувственного и вещественного превосходства над китайцами, в то время еще не было на Усть-Зее, но, разумеется, мы отвечали, что будем очень рады послам, и потребовали их списка для приготовления каждому подарка по чину. Когда список был доставлен, то Я П. Шишмарев целый день возился с отмериванием сукна и плиса, счетом плиток, раскладкой по коробочкам часов и т. п. Амбаню был приготовлен большой кубок, или кружка, из золоченого серебра; из надписи на этом сосуде я с удивлением увидел, что он когда-то принадлежал Августу II, королю польскому, и, может быть, наполнялся им вином при дружеских свиданиях с Петром Великим. Подарки ведь присылались из Петербурга, от кабинета, и что мудреного, что какой-нибудь «старый хлам» оказывался там настолько ненужным, что его назначали к ссылке на Амур или в Монголию.

В назначенный день и час посольство прибыло. Мы приготовились встретить его с возможною торжественностью; но надобно заметить, что это, при нашей обстановке, было нелегко. Н. Н. Муравьев жил в палатке шагов в восемь длиною и столько же шириною, да еще и из нее часть была отделена занавеской, за которой стояла кровать. Приемная зала, стало быть, была необширна. Мы же с Шишмаревым помещались в такой низкой и темной землянке, что только после некоторой практики я привык в ней рассматривать предметы и не получать синяков на голове от ударов о крышу и перекладыны. К себе мы не могли бы принять с некоторым приличием даже китайского прапорщика. Итак, все подлежавшие приему направились к генерал-губернаторской палатке. В ней прямо против входа стоял у стены диванчик, обитый ситцем, длиною аршина в два; на нем восседал один генерал-губернатор, подобно бурхану в буддийской часовне. Налево от него, то есть на местах по-китайски более почетных, были посажены я, Травин и Шишмарев, а три складные стула на правой стороне были оставлены для китайцев. Когда они вошли, генерал-губернатор приподнялся, дружески приветствовал их и усадил по чинам. *Esprit fort*³⁹ посольства был, очевидно, майор; но так как он был мал по чину, то впереди его был выставлен амбанем гусайда, то есть полковник, отличавшийся угрюмою молчаливостью. Почтенные послы поспешили высказать чувства самой теплой дружбы и глубочайшего уважения от амбаня к генерал-губернатору и при этом объяснили, что амбань, желая засвидетельствовать их вещественно, просит сделать ему честь – не отказать в принятии некоторых подарков. «Подарки эти, – прибавляли послы, – не богаты; но это лишь потому, что сам амбань недавно в должности и не успел разжиться». К этому спичу пояснением явилась довольно крупная черная свинья, которую два бошко немедленно внесли в палатку и положили перед генерал-губернатором. Свинья была со связанными ногами, между которыми был продернут шест, на котором ее внесли; легкий

³⁹ *Esprit fort* (французск.) – «сильный ум».

намордник мешал ей громко визжать в присутствии сановников, но она все-таки издавала глухие звуки, естественные в ее положении. Хотя никто из нас не был предупрежден о таком удивительном подарке, но ни один не позволил себе улыбнуться. За свиньей последовали ящики с конфетами из маковых выжимок на касторовом масле и мешок рису. Это уже от самих послов⁴⁰. После этой части аудиенция началась угощением с нашей стороны. Перед генерал-губернатором на столике были поставлены поднос с винными ягодами, миндальными орехами, изюмом и т. п. да бутылка красного вина. Китайцы и мы угощались с полным уважением к величию обеих дружественных держав, то есть на правах совершенного равенства. Но вдруг плохо цивилизованный гусайда достал кисет, набил трубку и пожелал ее закурить. Это уже выходило из этикета, и генерал-губернатор приказал немедленно подать трубки не только себе, но и нам всем. Нужно заметить, что я и Травин не курили совсем, но тут принесли жертву на алтарь отечества, для поддержания к нему должного уважения в надменных сынах Срединного царства.

⁴⁰ Принесение в дар свиньи и рису можно было, кажется, приписывать советам У-бошко, который, шляясь к нам, давно заметил скромность наших продовольственных запасов. Впрочем, черная свинья, по-китайски, есть действительно подарок почетный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.